

РОДНАЯ КРОВЬ

Признаться, мне претит слово «родственники», когда речь идет о кровной связи. Куда ближе и теплее: «родные люди».

В основу моего повествования вошли две истории из реальной жизни, два гражданских дела из моей адвокатской практики. Они, одновременно, похожи и непохожи. Но объединяет их одно: родная кровь и разрешение спора вокруг родительского дома. Противные стороны – родные люди. В одном и в другом случаях, по странному совпадению: дядя и племянник, брат и сестра.

И схожи эти оба дела в одном: в длительном рассмотрении одним и тем же судьей.

Сказать, что фабула этих дел почти идентична, ничего не сказать, но то, что они по своему фактическому содержанию и профессиональной перспективе однородны, это точно.

С начала повествования сказала о длительности рассмотрения обоих дел. И связано это было, отчасти, и, в особенности, желанием суда закончить дело так называемым «миром», на языке юристов: «заключением мирового соглашения», чего, в конечном счете, не осуществилось, несмотря на отчаянные, напористые и откровенные попытки суда стороны примирить и склонить к заключению пресловутого мирового соглашения, и дело производством таким образом успешно прекратить. Тщетными оказались попытки суда и ему пришлось выносить полноценное решение.

Вашему покорному слуге в обоих делах предстояло отстаивать интересы ответчика по одному делу и истца - по другому. Но и в том, и в другом случаях - конфликты базировались на отношениях брата и сестры, и в обоих случаях – я была на стороне братьев, которых, по их мнению, сестры вынудили оставить родительские дома.

Теперь – все по порядку.

В офис вошла семейная пара, на первый взгляд, ничем не примечательная. Он – муж молчаливый и немногословный, уж слишком не разговорчивый, слова не вытянешь, она – жена, напротив, приветливая, расположенная к повествованию, да и выглядит молодожаво и держится решительнее. Она первая и начала свой рассказ.

В суд обратился племянник мужа с иском о признании утратившим право пользования жилым помещением, в котором жила долгое время его мать, умершая в прошлом году. Дядя не проживает в квартире длительное время, с истцом общего хозяйства не ведет, членом его семьи не является. Истцу данное обстоятельство препятствует в приватизации квартиры. Вроде, банальная история. Осталось выяснить, какое отношение имеет к данной квартире сам заявитель, и выяснить, как брат матери (мой клиент) оставил жилище и почему утратил интерес к спорной квартире.

При дальнейшем повествовании выявилась совершенно иная картина, нежели можно было представить по аналогичным делам данной категории.

Оказалось, что спорная квартира – это родительская квартира Валерия, которую выделили его отцу в свое время на семью из трех человек: матери, отцу и сыну. К тому времени две сестры, старшая и младшая, членами семьи отца Валерия уже не значились, проживали в других квартирах. Истец является сыном младшей сестры Светланы, которая на момент предоставления отцу квартира проживала вовсе в другом городе и не собиралась возвращаться на Сахалин, пока ее одну, оставшуюся с ребенком на руках, не позвала старшая сестра.

Вот тут-то и закончилась спокойная жизнь семья родителей и самого Валерия. Неожиданная объявившаяся в родительском доме Светлана спустя после десяти лет отдельного проживания решила завести свои порядки для престарелых больных родителей и брата, обернувшиеся, впоследствии, в невыносимое совместное проживание в квартире.

Так, имея весьма непростой характер, сестра тут же начала вытеснять вернувшегося с армии Валерия и его семью. С определенной периодичностью

устроивала внутрисемейные разборки, выяснение отношений, в ходе которых высказывала в адрес родителей несправедливые обвинения. Такое поведение бесконечно усугубляло и без того слабое здоровье родителей, заставляя их все больше и больше задумываться о раздельном проживании от дочери.

Тем временем, Светлана благополучно отказывалась от обмена, желая утвердить свой суверенитет и власть в занимаемом ею помещении, на которое, по праву, основания не имела.

Старшая сестра Татьяна и брат, к тому времени уже обзаведшийся семьей, прилагали все возможные усилия, чтобы урезонить сестру и как-то разрешить семейный конфликт, обращаясь не раз с письменными заявлениями в милицию с целью как-то повлиять на сестру. Но при этом она не соглашалась на многочисленные варианты обмена, предлагаемые родителями, предоставление жилья ее сожителю, сестру устраивала жизнь с родителями, словно ей нравилось жить «на пороховой бочке» и делать одновременно несносным проживание семьи брата Валерия, соответственно, и его жене соседство с неуравновешенным человеком не сулило ничего радостного и обнадеживающего. Только из-за родителей, их безопасности и здоровья, они терпели сосуществование рядом с сестрой. В периоды длительных командировок жена моего доверителя, не желая конфликтовать с нерадивой родственницей, уходила из квартиры, проживая то у подруг, то у родителей.

После смерти матери, затем отца - Светлана стала вести себя решительней: сменила входную дверь и, вообще, перестала пускать Валерия в дом. Обиднее всего, что он не мог попасть в квартиру, находясь у ее порога. Тем временем, сестра была убеждена в собственной правоте, и в ее планах был свой толк.

А какое место во всей этой истории отведено автору иска – сыну Светланы?

Вот это и следовало выяснить. Как оказалось, наш герой, толком, по сути, и не жил в спорной квартире и имеет самое опосредованное отношение к ней.

Сама его мать своими родительскими обязанностями тяготилась. По приезду на Сахалин с сыном, ему тогда было немногим восемь лет, желания им заниматься особого не имела, ее больше беспокоило обустройство личной жизни, да и ее сожителей, сын, по понятным причинам, тоже не интересовал. Поэтому Александром (истцом), по большей части, занималась (обучением, кормила и обхаживала) родная тетя Татьяна, проживающая двумя этажами выше дома, где проживали наши герои. Она же его и в армию провожала (проводы в своей квартире организовывала), и друзей привчала. Жаль, что все хорошее быстро забывается.

Вернувшись с армии Александр жил у своей невесты на ее жилплощади. После женитьбы и рождения дочери по программе улучшения жилищных условий молодых семей получил двухкомнатную квартиру, позже у него родился сын, которого, по известному только ему интересу, он зарегистрировал в квартире дяди без его ведома. Еще позже, оказавшись дальновидным, истец приобрел земельный участок и построил на нем дом площадью более двухсот квадратных метров, где и прекрасно поживает до настоящего времени. На участке и банька, две теплицы, курятник и всякое иное хозяйство как у заправского хозяина.

Вот и вся история. А теперь в прошлом году умерла его мать – сестра Валерия, и захотелось Александру получить родительский дом дяди, приватизировав его на себя и своего сына, тем самым улучшив свое и без того завидное материальное положение. К слову, его мать проводили в последний путь дядя и другие родственники, пока он сам был в отъезде на материке. Такие нравы: «Какой привет – таков ответ».

Последние события перед обращением в суд: Александр не постыдился выставить за порог, вернее, вытолкать из квартиры, дядю, захлопнув перед ним дверь, свидетельствуют об открытости его намерений.

И это несмотря на то, что в детстве дядя брал племянника на рыбалку, немало по жизни давал дельных советов, поддерживал в трудные моменты. С определенного

времени у Валерия нет ключей, истец не желает ему передать их в добровольном порядке, в поведении усматривается «мамины нотки», чувствуется наследственность: в упорстве и напористости ему не занимать, вслед за матерью, он высказывает дяде нелюбезные вещи и не желает, чтобы тот проживал в квартире.

Тем временем семья Валерия вынуждена ютиться у тещи, скитаться по съемным квартирам в то время, как Александр отчуждает личное «лишнее» свое имущество – квартиру, полученную по программе, и намеревается оформить права на жилье, к которому фактически не имеет никакого отношения. Проживал он в спорной квартире лишь несколько месяцев, когда делал ремонт в доме.

Между тем, лицо, которое по праву имеет основания проживать в пустующей родительской квартире, возможности вселиться объективно не может, опасаясь за свою безопасность и здоровье.

Возможный способ защиты нарушенных жилищных прав – обращение в суд со встречным иском о признании права пользования жилым помещением и вселении в квартиру. Это в настоящем случае и при сложившихся обстоятельствах единственно-правильный выход и способ разрешения семейного конфликта между родными людьми, если их можно так назвать.

На этом моменте я позволю остановиться, чтобы провести параллель этому делу с другим аналогичным делом, в котором задействованы не чужие друг другу люди, не посторонние, которые волей судеб или обстоятельств вынуждены сосуществовать друг с другом либо соприкасаться с формальной точки зрения с обстоятельствами, которые на языке профессионалов являются «юридически значимыми».

Это – история, развернувшаяся между родными людьми, связанными кровными братскими узами, и от этого еще более горестная, так как имеет своими корнями родительский кров, который стал яблоком раздора для потомков, о котором, вряд ли, когда могли даже предполагать их предки – родители, получившие это жилище для удовлетворения своих важнейших потребностей.

У героя моей второй истории, как и предыдущей, также двое сестер, он – старший сын в семье. Также спорную квартиру выдали отцу по месту работы в далекие семидесятые годы на семью из пяти человек. Родители умерли очень давно, отец – в далекие семидесятые, не прожив в новой квартире и года, мать – чуть позже, в восьмидесятые.

Волей независимых от Сергея (имя доверителя) обстоятельств будучи прописанным в девяностые годы в квартире, фактически не проживал в ней, так как отсутствовал на острове. Но это ничего – ведь, никто не возражал, по приезду на Сахалин, вновь вернулся в родительскую квартиру, прописался и проживал до известного времени, пока не пришли с младшей сестрой Еленой (ответчиком по делу) к джентельменскому соглашению, по которому брат квартиру освобождает, чтоб не стеснять их многочисленное семейство, а как только все домочадцы – ее дети и внуки, которых к тому времени уже было приличное количество, определяться с жильем самостоятельно, они с сестрой приватизируют квартиру и решат вопрос по ее разделу.

До недавнего времени они были с сестрой в добрых доверительных отношениях, даже с определенной периодичностью брат приходил к сестре пообщаться, поведать, выпить кофейку. Одним словом, общались и встречались на совместных родственных мероприятиях и праздниках.

Как-то в один из осенних дней неожиданно на телефон брата пришло сообщение от сестры, в котором недвусмысленно содержалось предложение выселиться из квартиры, так как она намерена ее продать и приобрести дом. Сказать, что брат удивился такому повороту событий – ничего не сказать. Он был введен в смятение. Точно, это то состояние, в которое он пришел после получения информации. «А как же наша договоренность?!». Похоже, его деликатность и великодушие, проявленные из уважения и любви к родной сестре, вышли ему, попросту, «боком».

Родители Сергея завещали эту квартиру ему по старшинству, надеялись, что они с сестрой не будут обижать друг друга, что он и делал до последнего времени. И об этом Елена знала. «Тогда что произошло, какая кошка пробежала между ними, родными людьми?!». Крутилась у Сергея в голове эта мысль.

Насколько он помнит и знает, что все ее многочисленное семейство уже давно разъехалось. Дочь с тремя детьми – в квартиру родного брата, неподалеку от матери. В родительской трехкомнатной квартире остались сестра, ее муж и внучка от той дочки, которая живет отдельно. Так что должно было произойти, чтобы так резко поменялась сестра и уже больше вместо прежнего приветливого тона в голосе звучала требовательность, раздражительность и отчуждение?!

В офис вошла пара. Также в ней ничего не было примечательного, если что только, женщина выглядела намного моложе своего спутника, была более расположена к разговору, нежели мужчина, который оказался еще более немногословным, чем Валерий из первой истории. Трудно будет его разговорить. Да к тому же, мужчину выдавал один физический недуг, создающий некоторый дискомфорт в общении.

С первых слов все было понятно, какую тактику и стратегию защиты нужно занять в этом случае, так как возникла определенная угроза его социальным правам.

Мы вышли в суд с иском о признании права пользования жилым помещением и вселении в квартиру.

И далее можно ограничиться одной фразой, все дела завершились успешно в пользу обоих клиентов, решения судов были в пользу моих доверителей, оба брата были вселены в квартиры, и, казалось, инцидент исчерпан, пусть хотя и посредством судебных органов, но справедливость-то, в конце концов восторжествовала. Но нет, здесь рано ставить точку.

Когда вдалеке у кабинета судьи увидела некую женщину, мое внутреннее чутье подсказало, что именно она представляет интересы нашего оппонента. Признаюсь честно, когда эта женщина обратилась ко мне с вопросом, а не я ли к такой-то судье по такому-то делу, решила с ходу взять ее напором, психологически подавить, чтобы сбить с толку, ну типа: «...а Вы знаете, что есть заявления в милицию, по делу все обстоятельства – за нас...».

И надо сказать, что это сыграло свою роль, особенно, когда в суде я стала одним за одним предлагать суду доказательства подтверждения нашей железной позиции: многочисленные оригиналы заявлений махровых времен о насилии ответчика в отношении родителей и тому подобного недостойного поведения ее в быту.

Представитель ответчика в судебном заседании не скрывала своего недоумения и неосведомленности об обстоятельствах, о которых преднамеренно умолчал ее доверитель. Обескураженная таким разворотом событий, женщина практически выскочила из кабинета судьи, и я могла только наблюдать ее удаляющиеся по коридору шаги...

Позже я осознаю опрометчивость своего поступка, что решила в первую нашу встречу надавить на противника. Очередное судебное заседание. В коридоре я увидела не только эту женщину, но еще пяток женщин и мужчин, оказавшихся свидетелями по делу. Но это не главное, главное другое – ответчик усилил свою позицию, придя в суд лично сам, он взял себе в подмогу ...еще одного представителя, помимо той, которая была в предыдущем судебном заседании. «Вот эта я ее напугала!!!» - подумала я. Во втором представителе ответчика я узнала бывшего сотрудника администрации города, хотя, надо сказать, они обе были на государственном счету, пока не ушли на вольные хлеба. Вот такого развития событий я не могла допустить, даже, в мыслях!

Ну да ладно: отступать некуда.

Из своей многолетней адвокатской практики сделала вывод: место определяет многое. 90 процентов успеха определяет место, которое занимает адвокат в процессе либо как защитник по уголовному делу, либо как представитель стороны – по гражданскому делу.

Думаю, со мной согласятся психологи и многие научные деятели в области общения и поведения в местах, где оратору приходится сообщаться с аудиторией или с оппонентами.

Так вот, в тот день, противная сторона зашла в кабинет судьи раньше меня и ...заняла МОЕ место, привычное для меня именно в этом кабинете, именно этого судьи.

Мне было отведено так называемое менее «выгодное» место по сравнению с моим «выигрышным» с точки зрения, позиции. И надо сказать, видно, занятое ими МЕСТО каким-то определенным образом отразилось и на поведении представителя ответчика, так как она вела в том процессе совсем по-другому, более уверенно, то ли от того, что присутствовал сам доверитель и еще один представитель с их стороны, то ли от ...МЕСТА, которое придавало уверенности, решительности и, если можно сказать, напористости и какой-то смелости, будто она заигрывала со мной и отыгрывалась за допущенные погрешности предыдущего заседания. Интересное получалось кино!

Суд отказал им в опросе шестерых свидетелей, которых они привели, остановились по ограниченному количеству с обеих сторон. Потом будет еще немало, порядка четырех судебных заседаний, после которых суд настоятельно рекомендовал нам примириться и найти точки соприкосновений, ведь они – родные люди.

Надо признаться: наше обоюдное решение участвовать в судебном заседании доверителю было в данном случае не совсем уместным. По обыкновению, все предварительные разговоры не приводили ни к чему вразумительному, в самый неподходящий момент клиент проявлял какую-нибудь самодеятельность, которая играла не в его пользу.

А свидетели?! Это – тоже ненадежный народ. Вроде, в целом, знают о существовании проблемы, а когда дело доходит до сути, допускают какие-нибудь фривольности, которые могут быть судом истолкованы иначе. Так было и в данном случае.

Свидетель, на которого мы делали главную ставку, с нашей стороны, родная старшая сестра моего доверителя, вроде, не подвела, но осадок от ее рассказа остался. Чувство неудовлетворенности и недоговоренности, что ли. Хотя, позднее, именно показания данного свидетеля были, главным образом, положены в обоснование решения в пользу доверителя. Хвала суду!

И, честно говоря, при всей очевидности позиции (выигрышной с нашей стороны), мне было долго невдомек, а что суд так тянет с вынесением решения суда по существу, что еще нам готовит сторона истца по первоначальному иску, и какие, собственно, еще подводные камни таит данное дело.

Видно, моему доверителю, уже изрядно подуставшему от длительных судебных заседаний, хотелось быстрее довести все до логичного конца. В последнем заседании он был настолько решительно настроен на вынесение судебного акта, что его состояние невольно передалось судье. Решение состоялось в нашу пользу!

Между тем, с делом, в котором мой доверитель Сергей, брат Елены, занявшей полностью со своими домочадцами родительскую квартиру и желающую освободиться от своего «неудобного» братца, происходили не менее странные вещи.

Суд из заседания в заседание под всякими надуманными предлогами находил причины для очередного отложения, чем вызывал некое недоумение у всех участников процесса, в том числе, и моего клиента, который, не был включен полностью в судебную тяжбу по причине своего другого недуга. Мало того, что он заикался, он еще плохо слышал.

К слову сказать, люди с определенными физическими особенностями в судебном заседании воспринимаются судом, равно как и другими участниками, несколько с долей некоторого неудобства. Необходимость говорить с ними на повышенных тонах, повторять по несколько раз, да еще этот процесс переспрашивания занимает дополнительное драгоценное время сторон. Это – общеизвестная истина. Ну не об этом речь.

А речь о том, как дальновидная сестра после очередного судебного заседания, добилась, все ж таки, от брата исполнения важных для нее действий взамен на комплект ключей и свободного доступа в квартиру. Но, добившись от него определенных шагов, она не торопилась исполнять свою часть обязательств, ссылаясь на то, что никаких обещаний не давала в суде, комнату освободить не может, так как там еще живут дети, внуки. Мол, то все комнаты заняты, что было очередным лукавством, то надо дождаться документа, то в квартире – беспорядок из-за грандиозного ремонта, то ей нужно дополнительное время для решения жилищного вопроса с детьми, то она не может явиться в суд из-за давления. Причины и всякого рода поводы для неявки ответчицы в суд были разными, убедительными и не очень.

Но суд непрестанно откладывал и откладывал слушания по существу, будто тешил себя мыслью о достижении пресловутого мирового соглашения, которое как «дамоклов меч» разрубит все завязанные узлы и решит проблему изнутри. Ведь они – родные люди.

И еще одно наблюдение из практики. Пока суд для себя не определит, выходить ему на решение либо нет, не будет готов к этому ни морально, никак, ни одна из сторон не может его к этому подвести. Главное, настрой самого суда на изготовление завершающего документа!

Похоже, наша история может иметь продолжение. Да еще какое долгое.

В ходе в одного из очередных судебных заседаний была опрошена дочь Елены, допущенная в качестве третьего лица на стороне ответчицы, зарегистрированная в спорном жилище. И именно ее показания пролили свет на истинное положение вещей: ответчица лукавила суду, что дочь с детьми живет с ней в спорной квартире. Дочь-то и сдала мать «с потрохами». Наружу вылезла жесткая правда из реалии обыкновенных будней ее матери: меркантильных намерений обратить родительскую квартиру в свою пользу без участия неудачника - брата. Похоже, в эти подробности не посвящали даже своего представителя, моего коллегу – адвоката, для которого все эти пояснения были в новинку и полнейшей неожиданностью.

Суд вновь не соизволил выйти на решение: не могу даже привести убедительной причины, по которой дело вновь было отложено.

В очередное заседание (по моему счету, то ли восьмое, то ли девятое) мой доверитель Сергей шел с решительно настроенным подходом: просить суд вынести решение о вселении, а то от этой «горе-сестры» можно всякого непредсказуемого ожидать в любой момент! И с убеждением, что это – последнее заседание!

Еще перед зданием суда я заприметила бойкодвигающуюся фигуру ответчицы в сопровождении мужчины, по всей видимости, мужа, с рукой, перетянутой лангетом: точно, руку сломала.

Казалось, ничто не предвещало конца дела. Суд задерживался, секретарь не торопилась приглашать стороны, обсуждая с судьей рабочие моменты. «Мы ждем и не приглашаем Вас, ожидая, что Вы там договоритесь мирно», - призналась судья на мой вопрос о начале процесса. Наконец-то, мы – в кабинете. Суд отказывает ответчице в отложении дела, полагая неуважительной отсутствие ее представителя в уголовном процессе, ссылаясь на его надлежащее уведомление. О! Кажется, ближе и ближе разрешение спора. Да не тут-то было: листая материалы дела, вдруг судью осенило, что надо бы привлечь внучку ответчицы, которая живет с ней. А что раньше полгода, девять месяцев назад этого сделать было нельзя!

Внутреннему возмущению не было предела: опять суд не готов к завершающему акту, в чем дело, что за причина, на судью не похоже: ей в решительности и компетентности не отказать.

И если бы я судью плохо знала, то смогла бы еще как-то объяснить бесконечные откладывания дела без существенных оснований и мотивов. Делу уже – девять месяцев с небольшим! Но несмотря ни на что судья с завидным постоянством и бессменной улыбкой

на лице уже просматривала свой журнал назначения дел с намерением отложить процесс на три месяца.

Но тут ответчицу осенила не менее светлая мысль: Сергею надо оплатить коммунальные услуги за все время, пока он значится зарегистрированным в квартире. Теперь в это обсуждение активно включились все стороны.

Суд также считал необходимым для истца понести расходы, но с учетом тех затрат, которые он нес одновременно снимая жилье за эти годы. Он же не создавал лишних хлопот и помех для свободного использования жилья для нужд детей, внуков, мужей сестры Елены. Договорились, остановились, определились на дату длиной в месяц.

Одновременно суд призывает стороны к мирному урегулированию спора: обеим сторонам отказаться от исков. Здесь, кстати, упомянуть, что после первого заседания со стороны сестры последовал иск о признании утратившим братом права пользования жилым помещением. Анекдот! Дела – «близнецы-братья».

Вновь возможность принять отказы от исков и дело производством прекратить превозмогло нежелание судьи выйти на мотивированное решение. Я в смятении: что движет судьей, ведь, все исследовано, все опрошены, решение очевидно.

Ни по одному делу не удалось достигнуть так называемого «мира».

Решение суда: *«Признать право пользования... жилым помещением. Вселить ...в жилое помещение...»*.

Родные люди, близкие люди - люди, связанные одной нитью, и в жилах которых течет одна кровь. Так почему же они в какой-то момент становятся чужими друг другу, посторонними и враждебно настроенными. Никак не могу привыкнуть за свою долгую адвокатскую практику к тому, что на разных сторонах баррикады стоят родные люди: мать-дочь, брат-сестра, сын-отец. Каждый - друг против друга, зажав в кулаках нож и за сердцем камень. И за всем этим – погоня за материальными благами, корыстный интерес и страсть к наживе. И цена этому – исковерканные судьбы, травмированные души и подорванное доверие, забота и любовь, некогда возвращенные родителями в надежде на их вечное существование в атмосфере понимания и взаимного доверия.

Люди, будьте добрее друг к другу! Ведь Вы же – РОДНЫЕ ЛЮДИ!

С уважением Наталья Сенхеевна

17 июля 2019 года